

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КИТАЙСКИЙ
ДЕТОНАТОР

Максим Анатольевич Шахов

Китайский детонатор

Серия «Спецназ. Группа Антитеррор»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8230801
Максим Шахов. Китайский детонатор: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74027-7

Аннотация

Подполковник Антитеррористического центра Константин Хромов узнает о смерти своего лучшего осведомителя – китайца Вэньмина. Хромов срочно вылетает на Дальний Восток, чтобы на месте разобраться в обстоятельствах гибели ценного сотрудника. В столице Приморского края неизвестные пытаются убить Константина. Он чудом остается в живых и по горячим следам начинает поиски тех, кто совершил покушение. Очень скоро Хромов выходит на след известной китайской террористической организации и с удивлением узнает, что именно эта организация пыталась его уничтожить. Но зачем?..

Содержание

Глава 1. Вести с Дальнего Востока	4
Глава 2. Военные приготовления	20
Глава 3. Пять ночных выстрелов	29
Глава 4. Пули 7,62 и шарики для пейнтбола	39
Глава 5. Гранатовый сок с гранатами	59
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Максим Шахов

Китайский детонатор

Глава 1. Вести с Дальнего Востока

Константин Хромов по прозвищу Харон проснулся от манящего аромата только что сваренного кофе. Зевая, он повернул голову и обнаружил, что другая половина кровати пуста. Его лицо расплылось в довольной улыбке, когда он вспомнил, кто у него в гостях.

Ее звали Анжелика Чертанова, в ее натуре удачно сочеталось все то, что обещали имя и фамилия. Ангельская внешность снаружи, демонические страсти внутри. Служила она не в самом Антитеррористическом центре, а в смежном ведомстве, носящем известную аббревиатуру ФСБ. В прошлом пути подполковника Хромова и лейтенанта Чертановой пару раз пересекались, но еще никогда *так* близко.

Оставалось только пожалеть об этом. Впрочем, Хромов улыбнулся еще шире, предпочитая радоваться достигнутому, а не грустить об упущенных возможностях. Ведь так или иначе Анжелика досталась ему.

Как выяснилось немного позже, она только что вернулась из Токио. Туда она была командирована некой полуподпольной компьютерной компанией, штампующей диски с игра-

ми и программами и стремящейся завести связи среди настоящих производителей. Во всяком случае, такова была легенда. На самом деле по заданию ФСБ Анжелика пыталась охмурять ведущих специалистов какого-то мощного электронного концерна, выполняющего военные заказы. На днях ее отозвали обратно в Москву, и теперь она пользовалась возможностью пощеголять в привезенных обновлениях.

Хромов столкнулся с ней возле торгового центра, где пополнял запасы леденцов на палочке, которые начал сосать, когда бросил курить, а потом пристрастился к ним так, что обзавелся новой вредной привычкой. Он уже собирался ехать домой, когда заметил Анжелику, пересекавшую стоянку под руку с красивым, хорошо одетым, но почему-то печальным молодым человеком. При виде Хромова она бесцеремонно высвободила руку и приблизилась к нему.

– Привет, Анжела, – сказал он, с удовольствием разглядывая ее фигуру, разодетую в заморские атласные шелка. – Давненько не виделись.

– Месяцев шесть, – прикинула она. – Севастополь, кажется. Нет, Сочи.

– Сочи, – кивнул Хромов. – Обвал тоннеля на автомагистрали. Ты еще наша? Или...

– *Ваша*, – улыбнулась Анжелика. Если она добивалась того, чтобы это прозвучало двусмысленно, то у нее это получилось.

– Помнишь тот сумасшедший спуск по лыжной трассе? –

спросил Хромов.

– Еще бы! – Ее зеленые глаза азартно сверкнули под рыжей челкой. – Альпика-2, триста пятьдесят четыре метра.

– Чем занимаешься сейчас?

– Строчу отчеты о проделанной работе. Один комп сожгла, второй уже дымится, на пальцах волдыри.

– Значит, пора развеяться, – заметил Хромов. Не без задней мысли.

– Если под этим подразумевается приглашение поужинать вместе, то буду вынуждена отказаться, – вежливо ответила Анжелика. – В последнее время меня так часто потчевали японскими блюдами, что пришлось сесть на жесткую диету.

– У меня есть и другие увлечения, помимо гастрономических, – с достоинством заявил Хромов.

– О! Тогда я в вашем распоряжении.

В устах рыжеволосой красотки это прозвучало более чем провокационно.

– Почему во множественном числе? – спросил Хромов и поискал взглядом ее спутника, уныло перетаптывающегося в сторонке. – Хочешь прихватить своего кавалера?

– Он чертовски занятый человек, – сказала Анжелика. – Между прочим, этот центр принадлежит ему.

– Счастливый парень.

– Отнюдь. Ему поставили партию просроченных морепродуктов, и он думает лишь о том, как бы сбавить эту тухлятину кому-то другому. В общем, толку от него, как от моро-

женого хека.

– Тогда вперед? – предложил Хромов.

– Полный, – кивнула Анжелика, и полчаса спустя они упали на его холостяцкую двуспальную кровать в квартире знаменитого дома на Котельнической набережной.

«Надо будет сменить постель», – напомнил себе Хромов, набросил халат и отправился в кухню.

Анжелика посмотрела на него поверх открытой дверцы холодильника. Ее рыжие кудри торчали дыбом, а зеленые глаза светились на солнце, как у кошки. В руке она держала пакетик «Веселого молочника».

– Наконец-то, – сказала она, облизываясь. – Тебе со сливками?

На ней была кое-как застегнутая рубашка Хромова, отдаленно напоминающая греческий хитон. Она захлопнула холодильник, чтобы предстать перед ним во весь рост, и белая ткань, пронизанная солнечными лучами, лишь подчеркивала ее дразнящую наготу.

– Мне *с тобой*, – пробормотал он, заключая Анжелику в объятия и отыскивая губами мочку ее уха.

– Я зверски проголодалась, – сказала она, откинувшись назад.

– М-м? Я тоже.

Его руки соскользнули с ее талии, обхватив упругие ягодицы под тонкой тканью.

Слегка запыхавшись, она высвободилась и отступила на

шаг.

– Сначала нужно подкрепиться. Кофе, апельсиновый сок и ветчина с тостами.

– А как же твоя диета?

– И так за ночь килограмма два сбросила. Хорошего понемножку.

– Предпочитаю хорошего *помногу*, – сказал Хромов, но наедаться больше не стал, чинно уселся за стол, разлил сок по стаканам. – Как тебе Токио? – светски поинтересовался он, выбирая тост поподжаристей.

Анжелика устроилась рядом, почти касаясь его теплым бедром, и, энергично жуя, принялась делиться впечатлениями о поездке. По ее словам, все японские мужчины были сексуально озабоченными, но при этом абсолютно не умели ухаживать за дамами.

– Такие хамы, – негодовала она. – Переспят с тобой, а наутро даже в дверь первой не пропустят.

– *С тобой?* – переспросил Хромов, любивший конкретность.

– Это я так, в общем.

Хлебнув сока, Анжелика поспешила сменить тему, вспоминая, как во время посещения парка северных ворот Императорского дворца посетила там одноименный ресторан, где ее учили определять вкус вина по запаху пробки, а потом угостили икрой морского ежа, оказавшейся совершенно несъедобной и воняющей йодом.

Хромов попивал кофе, наблюдая за девушкой поверх чашки. Слушать ее голос было так же приятно, как любоваться ее гладким полуобнаженным телом. Под рубашкой, разошедшейся на груди, виднелись розоватые полушария, вздрагивающие при каждом жесте, и Хромову было приятно сознавать, что очень скоро они опять окажутся у него в руках.

Девушка улыбнулась.

– Хватит пялиться на меня, Костя. От твоего взгляда мысли путаются.

– А ты не думай, – посоветовал Хромов, притянул ее к себе и легко пересадил себе на колени.

Чтобы она не возомнила себя маленькой девочкой на руках у папы, он наградил ее совсем не отеческим поцелуем, а одну пятерню запустил под рубаху и принялся трогать то одну грудь, то другую, словно сравнивая, какая из них нравится ему больше.

– Эй! – воскликнула она. – Я не собираюсь заниматься *этим* на кухне!

– Я тоже, – сказал Хромов, легко поднял ее на руки и понес в спальню.

Телефон зазвонил, когда он находился в трех шагах от кровати.

– Не отвечай, – попросила Анжелика, обхватив его за шею.

Взглянув на дисплей мобильного, лежащего на тумбочке,

Хромов печально покачал головой.

– Нельзя. Что-то срочное.

Судя по номеру, звонили из АТЦ, причем по секретной спутниковой линии, что случилось только в особо важных случаях.

Хромов уложил девушку на кровать и взял мобильник. Она приподнялась на локтях и приготовилась слушать. Прижимая телефон к уху, Хромов вышел из спальни.

– Харон на связи, – сказал он, прикрыв за собой дверь.

– С вами будет говорить Второй, – произнес деловитый женский голос, после чего наступила тишина, нарушаемая лишь поскуливанием сверхмощного скремблера.

Под Вторым подразумевался заместитель директора Центра, руководивший Службой международного розыска террористов. Звонил он явно не для того, чтобы пожелать доброго утра или предложить оплачиваемый отпуск на Канарах.

– Вот влип, – буркнул Хромов.

– Не бойся, все не так плохо, как ты думаешь, – успокоил его голос начальника СМРТ.

Хромову почудилось, что в воздухе повисла насмешливая улыбка, словно он имел дело не с шефом, а с Чеширским котом, умеющим неожиданно появляться и так же неожиданно исчезать.

– Слушаю, – сказал он, не теряя времени на извинения.

Одна минута разговора по этой линии связи стоила около трехсот рублей.

– С тобой очень хочет переговорить один человек из Владивостока, – сообщил Второй. – Утверждает, что это чрезвычайно важно.

В приоткрывшуюся дверь заглянула Анжелика, успевшая избавиться от рубахи. Хромов бесцеремонно выставил ее вон и произнес в трубку:

– У меня нет приятелей во Владивостоке. Тех, кого я там знал, мертвы.

– Этот, похоже, жив, – сказал Второй, – и меня беспокоит то обстоятельство, что ему известен твой псевдоним и телефонные номера Службы. По-моему, тебя это тоже не оставит равнодушным.

– Вы угадали, – пробормотал Хромов.

Антитеррористический центр считался самым засекреченным подразделением ФСБ, ну а Службу международного розыска, ту вообще берегли как зеницу ока. Теперь же получалось, что один из лучших сотрудников этой Службы, истребитель Константин Хромов, лишился своего таинственного ореола и ему можно звонить на работу, как обычному смертному. Не то чтобы ему стало не по себе, но это настораживало.

– Я никогда не представляюсь Хароном и никому не даю своих служебных телефонов, – отчеканил Хромов.

– А я тебя ни в чем не обвиняю, – сказал Второй.

– Как зовут этого человека из Владивостока?

– Он не представился. В его речи слышны остаточные

признаки китайского акцента. Наверняка можно утверждать, что кто-то из его родственников говорил на хэфэйском диалекте.

– Что-нибудь еще удалось выявить?

– Поисковый спутник засек его в кафе «Золотой тигр». Он звонил оттуда три раза, начиная с восьми утра и до девяти. На третий раз мне доложили и дали послушать.

Хромов посмотрел на таймер, показывающий 9:05.

– Во Владивостоке уже ночь? – предположил он, путаясь в часовых поясах.

– День, – сказал Второй. – Шестнадцать ноль-пять.

– Он объяснил, в чем дело?

– Молчал как партизан. Но во время последнего звонка сказал, что ты должен помнить его по Камчатке.

– А! – воскликнул Хромов. – Осиное гнездо.

Так еще со времен первой холодной войны называли американцы военный городок Вилучинск, расположенный на берегу бухты Крашенинникова, где базировался Тихоокеанский флот России. Хромов побывал там лет семь назад под видом коммерсанта, скупающего корабельный металлолом. В действительности он с напарниками должен был разгромить шайку китайских торговцев оружием. Похитив семью командира атомной подлодки «К-150», оснащенной крылатыми ракетами, обнаглевшие китайцы намеревались перегнать ее в свои воды. Все они были перебиты, но их главарю тогда удалось бежать, предварительно убив заложников.

Звали его Виктор Хоу.

– Вспомнил? – спросил Второй.

– Такое не забывается, – сказал Хромов. – Телефончик этого человека из Владивостока не подскажете?

– Для этого и звоню. – Второй продиктовал номер, потом добавил: – Свяжись с ним. Чем меньше загадок в нашем деле, тем лучше.

– Прямо сейчас и звякну, – пообещал Хромов.

– Добро. Потом доложишь.

Второй умолк, как сквозь землю провалился. Хромов тут же набрал таинственный номер. Трубку взяли сразу.

– Слушаю, – произнес мужской голос.

– Это я вас слушаю, – грубовато сказал Хромов. – Интересуетесь греческой мифологией?

– Харон?

– Допустим.

– Если это ты, то, может, подскажешь, где лучше остановиться в Вилючинске?

– Дом офицеров, микрорайон Рыбачий.

– А чем там согреваются, когда отопление не работает?

– Коктейль «шило», – ухмыльнулся Хромов, – он же «Ворошилов». Изготавливается на основе технического спирта-ректификата, чокаться при употреблении не рекомендуется. Это ты, Вениамин?

– Ты угадал, Костя, – возликовал Вениамин, который на самом деле носил китайское имя Вэньминь и не менее китай-

скую фамилию Ван, переименованную в Иванов. – Как я счастлив тебя слышать, друг!

Он кричал так громко, что находящийся на расстоянии более девяти тысяч километров Хромов поморщился. Другими они никогда не были. Просто Вэньминь был талантливым программистом, завербованным ФСБ и помогавшим команде Хромова при вычислении банды Виктора Хоу. Маленький хакер с широченной улыбкой и веселыми, подслеповатыми глазками, поблескивающими, как черная смородина. Его мать была русской, так что признать в нем азиата сумел бы не каждый.

– Какая нелегкая занесла тебя во Владивосток? – спросил Хромов, смутно припоминая, что от Камчатки до Приморского края путь неблизкий.

– Долгая история, Костя, очень долгая. С прежними делашками я завязал, с конторой распрощался, пришлось как-то вертеться.

– Откуда у тебя мой служебный телефон?

– Твой товарищ записал мне на прощание, – сказал Ван Вэньминь. – Был мороз, мы пили «шило». За дружбу и за тех, кто в море. О, это была незабываемая ночь. Хотя... – Он смущенно хихикнул. – Имя того товарища я забыл.

– Мухин, – нахмурился Хромов. – Капитан Юрий Мухин.

– Да-да, теперь я вспомнил! Передавай ему привет, Костя. Как он поживает?

– Никак. Похоронили Мухина в позапрошлом году.

– Ай, какая жалость!

Хромов начал помаленьку заводиться.

– Ты для этого мне звонил? Чтобы выразить свои соболезнования?

– Нет-нет, – заторопился Вэньминь. – Тут такая история... Мог бы ты прилететь во Владик?

Ну вот, началось, подумал Хромов. Сейчас заведет шарманку про то, что русские своих не бросают, а потом примется канючить о помощи. Что у него там стряслось?

– Сначала объясни, в чем дело, – сказал Хромов. – Ни лишних денег, ни времени у меня нет.

– Ты не пожалеешь.

– А вот это я решу после твоего рассказа, договорились?

– О'кей, о'кей, слушай. Уехав с Камчатки, я подрабатывал в разных фирмах. По основной специальности, конечно. С моим знанием компьютеров...

– Говори по делу, – сухо произнес Хромов.

– Так вот, – продолжал Вэньминь, – некоторое время я жил у сестры в Гонконге, а потом вернулся в Россию, осел во Владивостоке и устроился в «Санни электроникс». Японское оборудование и программное обеспечение.

– Знаем мы ваше японское обеспечение.

– Нет, тут все по-честному. У них главный офис в Токио, я там уже бывал. Очень крупная корпорация. Поднялась на военных заказах.

– И что?

– Три дня назад меня встретили во дворе двое. Из китайской группировки. Они как бы слегка наехали на меня, пришлось дать понять, что не на того напали. Я купил пистолет и, когда они появились снова, пригрозил, что застрелю их, как собак.

Хромов неодобрительно покачал головой.

– С таким сомнительным прошлым, Веня, – сказал он, – я вел бы себя смирно, иначе твоей новой карьере конец.

– В том-то и дело, Костя, в том-то и дело. Эти гады мне то же самое сказали. Почти слово в слово. – Вэньминь понизил голос. – Они назубок знают мою биографию, а я ведь числюсь на фирме как Вениамин Иванов. Стоит руководству пронюхать об этом, и...

Он не договорил, но Хромов и без него знал, что в Стране восходящего солнца недолюбливают уроженцев Поднебесной.

– Что насчет твоей биографии? – спросил он, насторожившись.

– Они меня шантажируют, Костя. Требуют, чтобы я взломал для них банк данных «Санни».

– А ты?

– Поскольку им известно обо мне буквально все, то я решил не отставать и тоже навел о них справки, – ответил Вэньминь. – Кое-что накопал сам, кое-что выяснил через сестру...

– И?

– И выяснил, кто за ними стоит.

В груди у Хромова сделалось холодно, словно он набрал полные легкие морозного воздуха. Он услышал, как его собственный невозмутимый голос спрашивает:

– И кто же?

– Виктор Хоу.

Хромов медленно и осторожно выдохнул. Перед мысленным взором проступило изображение сарая, в котором держали семью того командира подлодки с Камчатки. Жена и две дочки, восьми и двенадцати лет. Рты у всех были обмотаны скотчем, руки связаны за спиной. Младшей дочери досталось больше всех. У нее глаза вылезли из орбит. Последним, кого она видела на этом свете, был Виктор Хоу. Потом пришлось хлестать спирт в офицерской гостинице, чтобы стереть из памяти увиденное, но не получилось. Мать и девочки подводника до сих пор стояли как живые... Нет. Как мертвые.

– Эй, ты где? – спросил Вэньминь.

– Здесь, – снова услышал свой голос Хромов.

– Я тебе это говорю только потому, что ты тогда поклялся найти Хоу...

Уши подполковника Хромова вспыхнули. Напрасно он заподозрил Вэньминя в корыстных целях. Недаром китайцы говорят: «Кто думает о людях плохо, тот смотрит на собственное отражение».

– Правда, – добавил Вэньминь, – выпили мы многовато,

но...

– Нет, – сказал Хромов. – В самый раз. И что наш старый знакомый? Чем он занимается во Владивостоке?

– Как и прежде, – ответил Вэньминь. – Похищения людей, шантаж, вымогательство. Но теперь он почему-то интересуется компьютерными технологиями. Странно.

– Ничего странного. За что ему платят, тем он и занимается. У тебя все?

– Почти. Вчера, когда я отказался сотрудничать с этими подонками, они изуродовали мою машину и пригрозили выкрасть мою невесту или сжечь ее кафе. Не знаю, как быть, Костя. Если соглашусь, навсегда испорчу свою репутацию. А в одиночку мне с ними не справиться.

Значит, Ван Вэньминь все же преследовал свои шкурные интересы, но Хромова это больше не волновало. В мозгу, одно за другим, появлялись звенья, складывающиеся в логическую цепочку.

Опять Дальний Восток, опять шантаж...

Китаец Виктор Хоу...

Китаец Ван Вэньминь...

Компания «Санни электроникс» с ее военными заказами и головным офисом в Токио...

И упомянутый Анжеликой японский концерн, который тоже работал на военных и сильно интересовал наших чекистов...

Щелк, щелк, щелк, щелк!

– Пожалуй, я прилечу, – сказал Хромов.

– Вот здорово! – обрадовался Вэньминь. – Я так и знал, что ты не бросишь друга в беде. Эти подонки...

– Жди звонка.

Болтовня словоохотливого китайца утомила Хромова настолько, что он не нашел в себе сил попрощаться.

Глава 2. Военные приготовления

Закончив разговор, Хромов уединился в ванной комнате. Включив воду, он обстоятельно пообщался с шефом, запросил в архиве данные по «Санни электроникс», а потом уж занялся водными процедурами. Подполковник вооружился опасной бритвой, отполировал до зеркального блеска череп и, выпятив нижнюю челюсть, принялся скоблить подбородок.

В помутневшем от пара зеркале отражалось крупное лицо мужчины лет сорока, с оттопыренными ушами, приплюснутым носом и мясистыми, четко очерченными губами. Темные глаза слегка оживляли выражение этого каменного, малоподвижного лица. Они смотрели на мир иронично и дерзко.

Выбрившись, Хромов сполоснул бритву, подмигнул своему отражению и вернулся в спальню.

Демонстрируя недовольство его долгим отсутствием, Анжелика даже не взглянула на него. Лежала нагишом поперек кровати, листая «Эсквайр» и покачивая в воздухе почти детскими пятками.

– Как, говоришь, называлась та компания в Токио? – спросил Хромов с деланным безразличием.

– Вообще-то «Санни электроникс», – ответила Анжелика, не отрываясь от журнала. – Но я тебе этого не говорила.

– И кого ты там знаешь?

Дождаясь ответа, Хромов окропился туалетной водой и стал хлопать себя по щекам, с удовольствием вдыхая аромат «сильного, великодушного и уверенного мужчины», которым, если верить рекламе, мог стать каждый счастливый обладатель такого же пузырька.

Уловив запах «Картье декларейшн», Анжелика покосилась на Хромова из-под опущенных ресниц.

– Ну, там много разного народа, – туманно сообщила она.

– И все же?

Анжелика отложила журнал, перевернулась на бок и подперла голову рукой.

– Хорошая сборка, – сказала она, рассматривая фигуру Хромова, перемещающегося по спальне с грацией большого хищника, вынужденного сдерживать движения в замкнутом пространстве.

– Ты не ответила, – напомнил он, разворачивая вишневый леденец и отправляя его в рот.

Он возвышался над ней во весь свой рост ста восьмидесяти с лишним сантиметров, поджарый и умеренно волосатый. Никаких дутых мышц – только стальные тросы мускулов и натянутые струны жил, угадывающиеся под кожей. Анжелика решила, что при случае обязательно спросит, занимается ли он йогой. А еще ей хотелось выяснить, откуда у него этот рваный шрам на ягодице, который постоянно попадался ей под правую руку минувшей ночью.

– Мой самый крупный улов в «Санни» – Акиро Якомото, – произнесла она вслух не без самодовольства. – Руководитель одного сверхсекретного проекта. Приглашал меня сопровождать его во время деловой поездки в Гонконг.

– Ты согласилась? – спросил Хромов, устраиваясь рядом.

Анжелика предпочла отделаться встречными вопросами:

– Это допрос? Ты ревнуешь?

– Немножко, – соврал Хромов, высасывая сладкие соки из конфеты. Белая палочка, торчащая у него изо рта, напоминала тонкую сигарету. – Чем он там занимается, этот твой самурай?

– Думаешь, я выдам тебе государственные секреты? – хмыкнула Анжелика.

– Во-первых, – рассудительно сказал Хромов, – это секреты не нашего государства, а чужого. Во-вторых, мы с тобой работаем в одном совместном предприятии. В-третьих, – он вытащил изо рта леденец, – есть проверенный способ выведывать любые тайны.

– пытки?

– Секс, глупая. Соблазняй и властвуй.

Сразу после этого Хромов перешел от слов к делу, и Анжелика не стала возражать ни против секса, ни против дачи показаний.

Отдышавшись, она поведала, что в «солнечной» электронной компании под руководством Якомото полным ходом идет изготовление опытной партии усовершенствован-

ных микроволновых ракет «Боинг».

– Это что такое? – заинтересовался Хромов. – Они людей собираются поджаривать?

– А вот и нет, – ответила Анжелика, улыбаясь с чувством превосходства, которого ни разу не испытала во время спаррингов на двуспальной кровати Хромова. – Микроволновое излучение уничтожает электронику, а не население. Компьютеры, телефоны, системы видеонаблюдения. Уже проводились испытания. Якомото сказал, что успешные. Ракеты опробовали на нескольких станциях противовоздушной обороны. Все они вышли из строя. То же самое произошло с военной эскадрой. Она «ослепла» и не сумела запустить ни одного «Томагавка». Понимаешь, чем это пахнет?

– Примерно, – буркнул Хромов, для которого технический прогресс сводился к усовершенствованию автомобилей и всевозможных смертоносных штук, которые он использовал в своей работе.

– Микроволновые ракеты будет невозможно обнаружить в воздухе, – принялась объяснять Анжелика. – Какой-то там отрицательный коэффициент преломления... я в этом не слишком разбираюсь. Короче, ракета летит на базу, а там ее принимают за стаю ворон, причем находящуюся левее или правее.

– Угу, – сказал Хромов.

– А потом вся электроника отключается и, бац, посылаются уже другие ракеты, крылатые.

– Сначала посылаются, а потом «бац», – поправил Хромов.

– Для страны, против которой применяют такую тактику, это ничего не меняет, – возразила Анжелика. Она прикоснулась к ножевому шраму на левом бицепсе Хромова, провела пальцем до плеча и хмыкнула. – Странная татуировка. Петелька какая-то. Что она означает?

– Петля означает петлю, – сказал Хромов.

– Опознавательный знак?

Ответом было молчание.

– Знак, – повторила Анжелика, уже с утвердительной интонацией. – Говорят, таких, с петельками, раз, два и обчелся. Страшная профессия. И что только тобой движет? Долг?

– Можно и так выразиться, – сказал Хромов, уставившись в потолок.

Сейчас его грубоватое лицо казалось Анжелике особенно мужественным и суровым. А Хромов думал не о каком-то абстрактном долге, а о своей работе, которая давала ему возможность путешествовать по всему свету, спать с красивыми женщинами, жить в дорогих отелях и, главное, переживать невероятные приключения. Благодаря редкой профессии его жизнь была ярче и насыщенней, чем у любого миллионера, политика или звезды. Ему не приходилось корпеть над банковскими счетами, пиариться и заигрывать с поклонниками. Все было предельно просто. Он выполнял заказы государства, а оно обеспечивало его по высшему разряду. *Долг? По-*

чему бы и нет, раз между ними существовали долговые обязательства.

– Поцелуй меня, – попросила Анжелика, которая все это время согревала взглядом его окаменевший профиль.

Чистый секс закончился, начинались телячьи нежности, совершенно не вдохновляющие Хромова.

– В другой раз. – Он встал. – Пора собираться. Одевайся. Анжелика отреагировала, как ребенок, которого шлепнули, вместо того чтобы погладить по голове.

– Спасибо, что голой на улицу не выставил, – пробурчала она, собирая одежду, разбросанную по комнате. – Какие же вы все-таки, мужики, сволочи!

– Я не мужик, – сказал Хромов. – Мужики в поле пашут. – Тебе среди них самое место, – мстительно произнесла Анжелика. – Хам ты, подполковник Хромов.

Пропустив оскорбление мимо ушей, он осведомился: – Ты с моей стиральной машинкой справишься? – Что-о?

Концы бюстгальтера, заведенные за спину, выскользнули из пальцев потрясенной Анжелики, издав хлопок, похожий на выстрел из пистолета с глушителем.

– Машинка, – повторил Хромов, кивая в направлении ванной комнаты. – Не могла бы ты забросить туда постельное белье и запустить стирку? Все остальное уже в баке.

Отдавая распоряжения, он одевался перед зеркалом, не глядя на Анжелику.

– Ты... ты... – У нее перехватило дыхание от негодования. – Я тебе что, домохозяйка?

– Не *что*, а *кто*. – Хромов застегнул брюки и поправил пояс. – И чего ты раскипятилась, не понимаю? Все равно тебе нужно будет чем-то заняться до отъезда.

Анжелика, у которой никак не получалось справиться со злополучным лифчиком, застыла.

– Какого отъезда?

– На Дальний Восток.

– Какой Дальний Восток? – тупо повторила Анжелика.

– *Самый* дальний, – сказал Хромов. – А может, еще дальше.

– С какой стати и за чьи шиши?

– По заданию конторы. За государственный счет.

– Это шутка такая? – подозрительно осведомилась Анжелика, ища на лице Хромова признаки скрываемой улыбки.

– Это предложение, от которого невозможно отказаться, – ответил Хромов. – Все согласовано. Думаю, мое начальство уже связалось с твоим, и скоро тебе прикажут отправляться во Владивосток.

– Зачем? – спросила Анжелика, уже готовая поверить в чудо.

– Ассистировать лучшему специалисту СМРТ в ходе операции по удалению очередной злокачественной опухоли. Заодно неплохо бы раздобыть хотя бы одну чудо-ракету.

В этот момент мобильник Хромова заиграл фирменную

мелодию Джона Барри. Видя, что Анжелика готова завизжать от радости или броситься ему на шею, он предостерегающе поднял палец. Она осталась на месте, нетерпеливо дожидаясь завершения разговора.

– Порядок, – сказал Хромов, пряча телефон. – Шефы договорились. Ты пригодишься для налаживания контактов с «Санни электроникс». – Поразмыслив, он добавил: – Ну и для всего остального.

– Костя!!!

Разбежавшись, Анжелика прыгнула на него и повисла, как мартышка на пальме. Он взял ее за талию и опустил на пол.

– Минутку. Инструктаж не закончен, лейтенант Чертанова. Станьте в строй.

Держа в одной руке бюстгальтер, а второй отдавая честь, Анжелика отступила на три шага назад.

– Нашим прикрытием во Владивостоке займется майор Глеб Щеглов, который встретит нас в аэропорту, – сказал Хромов. – Я еду за деньгами и билетами, ты остаешься на хозяйстве. Стиральный порошок в ванной за машинкой. В морозилке стейки на любой вкус.

– Но...

– По пути в аэропорт заедем за твоими вещами. Тебя это беспокоит?

Улыбаясь, Анжелика покачала головой.

– Уже не беспокоит. Извини, что сорвалась. Ты не хам, Костя. Ты просто замечательный.

– Попробуй не успеть приготовить обед к моему возвращению, и ты увидишь, какой я замечательный, – проворчал Хромов, прихватил леденец со вкусом лимона и был таков.

Глава 3. Пять ночных выстрелов

Было без пяти минут одиннадцать ночи, и Владивосток постепенно погружался в сон. Все меньше окон светилось на сопках, все меньше огней отражалось в чернильной бухте.

На Тигровую улицу, что протянулась параллельно Набережной, въехала «Тойота» и, сбавляя ход, бесшумно остановилась у бровки, ничем не выделяясь в ряду припаркованных автомобилей. Как большинство из них, она была привезена из Японии и приспособлена для левостороннего движения. Руль в ней размещался справа. За ним, одетый в брезентовую ветровку с откинутым капюшоном, сидел мужчина азиатской наружности.

Ветровка была выгоревшей, вся спина ее была испещрена плохо застиранными пятнами красной краски. Черные волосы обладателя были жесткими и густыми, словно конская грива. Отпущенные возле ушей, они заменяли мужчине бакки, а на изрытом оспой лице почти не росли, разве что на кончике подбородка и по краям губ.

Несмотря на то что Тигровая улица находилась в центре города, она не бывала многолюдной и днем, а ночью вообще выглядела пустынной. Тем не менее, прежде чем окончательно заглушить мотор, мужчина долго приглядывался и прислушивался.

Убедившись, что поблизости никого нет, мужчина в вет-

ровке взял с заднего сиденья брезентовый чехол для удочки, положил его на колени и достал оттуда тульский карабин «МЦ-19» с отпиленным прикладом и укороченным стволом. Роторный магазин был заполнен пятью патронами с надсверленными кончиками пуль. При попадании в цель такая пуля разлеталась на части, превращаясь в мелкую картечь.

Передернув затвор, мужчина дослал патрон в патронник и опустил рычажок вниз, запирая затвор намертво. Еще раз осмотревшись, он спрятал карабин в чехол, выбрался из «Тойоты» и пошел вдоль улицы. В своей старенькой ветровке, растянутых джинсах и грязноватых кроссовках он выглядел как заправский рыболов. Лицо его было очень загорелым, выдавая в нем человека, проводящего много времени на солнце.

Дойдя до перекрестка, мужчина пересек улицу. Он направлялся к кафе со светящимся контуром желтого тигра, поднявшего переднюю лапу. Название кафе – «Золотой тигр» – было продублировано китайскими иероглифами.

Оно принадлежало некоему Сяо Ли, до которого мужчине дела не было. Интересовал его лишь завсегдатай заведения, ухаживавший за дочерью хозяина, Йоку. Каждое утро и каждый вечер он приходил сюда. Его старенький «Сузуки Балено» цвета металлик торчал у входа.

Бросив настороженный взгляд по сторонам, мужчина в ветровке поднялся на крыльцо, толкнул белую пластиковую дверь и очутился в небольшом зале с десятком столиков и

барной стойкой.

Как всегда в эту пору, кафе пустовало. Лишь три человека, находившиеся внутри, обернулись на бряцанье колокольчика. Плешивый коротышка в белой рубаше с пятнами пота под мышками протирал стаканы за стойкой. Это был тот самый Сяо Ли, владелец «Золотого тигра».

Его дочь Йоку меняла скатерти на столах.

За ней с глупой улыбкой наблюдал тщедушный очкарик в костюме. Это был Ван Вэньминь, предпочитавший представляться Вениамином Ивановым.

Мужчина в капюшоне, наброшенном на голову, подошел к барной стойке, прислонил к ней карабин в чехле, а сам забрался на высокий стул.

– Извиняйте нас, – сказал Сяо Ли. – Поздно. Мы уже закрыться.

Мужчина изобразил недоумение.

– Но дверь была открыта, вот я и вошел. Мне только сто грамм коньяка. – Он показал пальцами рюмку. – Что-то не спится.

– Нет коньяк. Вы уходить. Извиняйте.

– Как же так, – огорчился мужчина. – Я хочу выпить за удачную рыбалку. Показать вам, какую навагу я поймал?

Он взял футляр, положил его на колени и начал расстегивать. Йоку посмотрела на Ван Вэньминя; тот встал, не зная, как быть. Решительнее всех повел себя Сяо Ли, который обогнул стойку, чтобы приблизиться к мужчине. Этого он и до-

бивался. Теперь все трое находились перед ним, так что можно было не опасаться удара бутылкой по затылку.

— Ничего не надо! — заявил Сяо Ли. — Уходить! Немедленно!

— Вам же сказано, — вмешался Вэньминь, — кафе закрыто.

— А-а, — протянул мужчина, — так вы грубияны. Ну, тогда не обижайтесь.

Капюшон соскользнул с его головы, чехол с шуршанием упал на пол, а карабин остался у него в руках.

Йоку, отошедшая в сторонку, чтобы вызвать по телефону полицию, услышала оглушительный грохот и оглянулась. Ее отец, спина которого состояла из красных лохмотьев, стремительно пятился прямо на нее и судорожно взмахивал руками, словно стараясь сохранить равновесие.

Она выставила руки, чтобы подхватить его, когда что-то тяжелое и горячее ударило ее в грудь чуть ниже того места, где сходятся ключицы. Это произошло одновременно с новым раскатом грома. Йоку подбросило и швырнуло на столик, покрытый чистой скатертью, которая сразу перестала быть чистой. Столик опрокинулся, она свалилась на пол, сверху на нее упал отец, все это время продолжавший отступать назад с растопыренными руками.

Ван Вэньминь не видел этого. В его сузившемся поле зрения находился только мужчина с ружьем, даже не сам мужчина, а его улыбающееся лицо с редкими волосками у рта и на подбородке. Ничего страшнее этой улыбки Вэньминь в

своей жизни не видел.

– А-а-а! – закричал он, кидаясь к выходу.

Две разрывные пули, попавшие в поясницу и под лопатку, заставили Вэньминя отклониться от курса. Не попав в дверь, он ударился в стену с такой силой, что пробил гипсокартон, которым была обшита кирпичная кладка.

Упавший Вэньминь перекатился на бок и увидел огромные грязные кроссовки, неумолимо приближающиеся к нему. Ступая по полу, они производили звуки, подобные тем, которые можно услышать, когда поблизости забивают сваи.

Умп! Умп! Умп!

– Не-е-ет! – взмолился Вэньминь.

Выстрел в упор разнес его желудок в клочья. Не успев испытать боль, Вэньминь застыл в луже собственной крови.

Действуя ногой, убийца перевернул его на спину. В принципе, от компьютерщика не было особого вреда, но не стоило ему вмешивать сюда посторонних. Что ж, пусть его смерть станет предупреждением другим. Никто не смеет противостоять организации Виктора Хоу.

Опустившись на корточки, убийца подержал пальцы на запястье трупа. Потом, перейдя к телам отца и дочери, проверил пульс у них. Никаких признаков жизни. Одни только признаки смерти.

Передвигаясь осторожно, чтобы не испачкать подошвы в крови, убийца вернулся за чехлом, спрятал карабин и вышел

на улицу.

Здесь по-прежнему было тихо. Выстрелы не потревожили жителей улицы Тигровой или были приняты за разрывы пестард. С тех пор как россияне увлеклись пиротехникой, работа киллеров значительно упростилась.

Беспрпятственно вернувшись в «Тойоту», мужчина в ветровке доехал до Спортивной гавани, где, прогулявшись вдоль набережной, забросил карабин в воду и пошел обратно.

Прежде чем сесть за руль, он взглянул на часы. Операция заняла восемнадцать минут семь секунд. Он управился на пятьдесят три секунды раньше, чем планировал.

Улыбнувшись, мужчина включил радио, настроенное на волну китайской станции. Хорошая музыка всегда помогала ему снять лишнее напряжение.

* * *

Голос сержанта ППС в телефонной трубке звучал скорее устало, чем взволнованно. Выслушав его, заместитель начальника Управления уголовного розыска Криворук понял, что попадет домой не скоро. За окном его кабинета чернела беспросветная ночь. Под стать настроению хозяина кабинета.

– Где? – спросил он коротко.

– Я сперва решил, что это граната рванула, – сказал сержант.

жант. – Все в кровище, ступить некуда. Три жмура. Два мужика и одна баба молодая. Личности установлены. Хозяин кафе, его дочь и ее хахаль. Всех в ключья разнесло.

– Я не просил докладывать подробности, – сказал Криворук, массируя пальцами переносицу. – Я спросил: *где*.

– Фрунзенский район, улица Тигриная...

– Тигровая.

– Тигровая, – поправился сержант. – Кафе «Золотой тигр». Китайское, как я понимаю. Китайцев и завалили.

Зажмурившись, Криворук потер веки.

Голова раскалывалась. Глаза пекло. А как еще могло быть после сорокавосемичасового рабочего дня с семью часами сна урывками? Пока начальство рапортовало наверх о снижении подростковой преступности, взрослые жители Владивостока словно с ума посходили. Восемь трупов за двое суток. Уже одиннадцать с этими тремя в кафе «Золотой тигр» на Тигровой улице.

– Зоопарк хренов, – выругался Криворук.

– Вы про китайцев? – спросил сержант.

– Про жизнь в общем и целом.

– Есть и хорошие новости.

– Неужели? – удивился Криворук.

– Да, – подтвердил сержант тоном человека, приготовившегося сделать сюрприз. – У нас есть свидетель.

– Свидетель?

– Так точно, товарищ майор. Наш, русский. Охранник.

Отсыпался в подсобке перед дежурством. До того как устроиться на работу, бомжевал. Его законная супруга на улицу выставила.

– Ты мне его биографию излагать собрался? – рыкнул Криворук.

– Это я к тому, что он живет там, – обиженно сказал сержант. – А дверь в подсобные помещения приоткрыта была. Вот он, значит, в щелку все и видел.

– Почему не вмешался? Охранник все же.

– Это название одно. Так ведь не Шварценеггер и без оружия. Он и за грузчика, и за посудомойку.

– Ясно, – сказал Криворук. – Не отпускай его от себя ни на шаг. Скоро буду.

– Вас понял. Ждем.

Оборвав разговор, Криворук тут же набрал другой номер. Дожидаясь ответа, он хлебнул теплого пива из банки. Оно совершенно выдохлось и отдавало железом. В голову пришла мысль, что, наверное, такой же привкус бывает во рту у утопленников, которых регулярно вылавливают в бухте Золотой Рог.

– Алло, – сонно промямлила жена.

– Привет, Клара, – произнес Криворук совсем другим голосом, домашним.

– Ты знаешь, который час? – осведомилась она после долгого молчания.

– Знаю.

– И где ты шляешься, хотела бы я знать?

– Я не шляюсь, я работаю.

Они произносили свои реплики, как актеры, которым осточертели их роли. Оба наперед знали, кто что скажет и чем диалог закончится.

– Что интересненького на этот раз? – спросила жена. – Кража, изнасилование, ограбление? Чем ты порадуешь меня, когда, наконец, появишься дома? А, майор?

– Клара...

– Похищение ребенка? Поджог?

– Групповуха, – вздохнул Криворук.

– Ты что, в сауне?

В голосе жены зазвучал металл. Криворук мысленно обозвал себя кретином.

– Групповое убийство, – торопливо произнес он. – Три труп в кафе. Хозяин, его дочь и еще один.

На другом конце провода молчали. Криворук медленно сжал в кулаке пивную банку. Раздался хруст, по руке потекла пенистая кислятина. Морщась, он отвел руку подальше, чтобы не залить бумаги, разложенные на столе. В кабинете запахло дешевой забегаловкой.

– Клара, ты слушаешь?

– Да, – сказала жена.

– Работа у меня такая, Клара. Я не виноват, что они словно с цепи сорвались, стреляют, душат, режут, насилуют. Кто-то должен поддерживать порядок, Клара. Иначе нам всем хана.

– Я знаю. – Она вздохнула. – Ты поосторожнее там, Коля. Уф-ф!.. У него словно гора свалилась с плеч. Его называли по имени, значит, не все потеряно.

– Все будет в порядке, не волнуйся, – мягко сказал Криворук.

– Хотелось бы. Но не получается. Счастливо!

Она отключилась, не дав ему возможности попрощаться. Так всегда бывает, если он задерживается на службе. Криворук улыбнулся, посмотрел на мокрую руку и, насупившись, стал вытирать туалетной бумагой. От нее разило пивом. На линолеуме осталось неопрятное пятно.

– Корольков! – рывкнул Криворук, выглядывая в коридор. – Машину на выезд!

Из дежурки выскочил Корольков и, преувеличенно топая ботинками, побежал к выходу.

– Стой!

Корольков остановился и обернулся.

– Да, товарищ майор?

– У вас в холодильнике пиво осталось?

– Найдем, товарищ майор.

– Тащи сюда, – велел Криворук. – И шевелись, шевелись!

Глава 4. Пули 7,62 и шарики для пейнтбола

Майор Глеб Щеглов был медлительным тяжеловесом, наминающим борца сумо, сбросившего пару десятков килограммов и остановившегося на этом. Любая температура выше нуля градусов по Цельсию представлялась ему тропической жарой, а летом он просто таял на солнце, как огромная Снегурочка. Преодолев сорок километров, отделяющих краевое Управление ФСБ от аэропорта, он совершенно взмок и (в который раз!) дал себе слово раскошелиться на кондиционер в служебном авто.

Очутившись в прохладном зале под высоким сводом, Щеглов бросил взгляд на табло и двинулся мелкими шажками к терминалу, из которого должны были появиться москвичи. Они уже шли ему навстречу: лысый, как бильярдный шар, мужчина в стальном костюме и рыжеволосая женщина, катящая за собой чемодан. Узнав их по присланным фотографиям, Щеглов поднял ладонь в приветственном жесте.

– Добро пожаловать во Владивосток.

Оклик сопровождался сипящей одышкой.

Москвичи остановились. Все трое отошли в сторонку, где Щеглов полез за удостоверением, но мужчина удержал его руку.

– Если вы чем-то отличаетесь от своего портрета, то только масштабами.

– В жизни вы симпатичней, – добавила рыжеволосая.

– Очень приятно, – брякнул Щеглов, покраснел и достал носовой платок размером с небольшое полотенце.

– Я Хромов, – представился мужчина и кивнул на спутницу. – А это Анжелика Чертанова.

Увидев ее вблизи, Щеглов испугался, что его хватит удар. С этой минуты он ни разу не посмотрел ниже шеи этой чертовки.

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, – пропыхтел он, обтираясь платком.

– Насколько плохие? – поинтересовался Хромов.

Медля с ответом, Щеглов осторожно покосился на Анжелику.

– Не стесняйся, майор, – сказал Хромов, непринужденно переходя на «ты». – Она в теме.

– При мне можно все, – улыбнулась Анжелика, – кроме похабных анекдотов и тостов за прекрасных дам.

Щеглов смешливо фыркнул и потупился.

– Сегодня утром просматривал полицейскую сводку за ночь, – сказал он. – В китайском кафе застрелили троих.

По лицу Хромова пробежала тень.

– Кафе называется «Золотой тигр»? – спросил он.

Щеглов уставился на него в полном замешательстве.

– Откуда ты знаешь?

– Интуиция, – сказал Хромов. – У меня здесь, – он прикоснулся к своему черепу, – словно радар встроен. Шестое чувство, третий глаз, называй как хочешь. Но многие вещи я за версту чую.

– Да? – уважительно произнес Щеглов и, окинув Хромова взглядом, подумал, что тот, наверное, бреет голову, чтобы лучше улавливать таинственные экстрасенсорные сигналы. – В общем, ты угадал, – признал он. – Заведение называется «Золотой тигр». Не знаю, что именно там произошло, но один из покойников – твой приятель.

Хромов кивнул:

– Ван Вэньминь.

– Паспорт у него на имя Вениамина Иванова, – уточнил Щеглов. – Обычное дело. Маскируются, узкоглазые. – Спohватившись, он кашлянул в кулак и пробормотал: – Извини, вырвалось.

– Все в порядке, – сказал Хромов, лицо которого не выражало ровным счетом ничего. – Достали азиаты?

– Только за прошлый год триста тысяч в Приморье пожаловало. Это легально. А тех, что шифруются, сколько? Китайцы, корейцы, узбеки, всех не перечтешь.

– И не надо, – сказал Хромов. – У них свои заботы, у нас свои. Вы на машине?

– Да, – подтвердил Щеглов.

– Я возьму такси, ты отвезешь Чертанову. Нас где поселили?

– Ведомственный коттедж на побережье. Дешево и сердито.

– Отлично. – Хромов посмотрел на часы. – Я наведаюсь в кафе, а потом приеду. Рассказывай, как найти ваш пансионат.

Пока Щеглов объяснял, Хромов коротко зевал с закрытым ртом, избавляясь от воздушных пробок, образовавшихся в ушах после многочасового перелета. Сна не было ни в одном глазу. Начиналась охота.

* * *

Все было знакомо до тошноты: звуки, запахи, обстановка и разговоры, разговоры, разговоры...

– Нет, сначала ему выстрелили в спину, а потом уж добились в живот...

– Оп-ля! Вот, кстати, последняя гильзочка...

– Фрагменты костных и мышечных тканей на полу свидетельствуют о том...

Заложив руки за спину, Криворук смотрел в окно на улицу. Этим распроклятым утром он ненавидел себя и свою работу сильнее, чем когда-либо прежде. Минувшей ночью вместо того, чтобы выехать на место преступления, он прикончил все запасы пива в управлении, где-то поддал еще, а потом приказал везти себя домой, где, разумеется, ничего хорошего его не ожидало. Учув запах перегара, жена сказала,

что теперь ей ясно, чем Криворук занимается в рабочее и нерабочее время, и устроила ему такой разнос, что разбудила детей и соседей. Ночевать пришлось на даче в Соловей-Ключе. После этого, небритый и помятый, Криворук всю дорогу избегал взгляда Королькова, примчавшегося по вызову.

Дорога в город была сравнима с путем на Голгофу. На ухабах содержимое желудка подпрыгивало до гортани, оставляя во рту мерзкий привкус. Криворук был почти уверен, что Корольков нарочно пересчитывает колесами все огрехи асфальтового покрытия.

Он ошибался. Как и все сотрудники УГРО, сержант Корольков знал, что майор Криворук плохо переносит поездки в транспорте и быстро укачивается даже абсолютно трезвый и на самой гладкой дороге. Поэтому он делал все, чтобы облегчить страдания начальника, но все равно пришлось дважды останавливаться, прежде чем они добрались до места.

– Я за водичкой выскочу? – спросил Корольков, когда они проезжали мимо ларька на улице Тигровой.

– Давай, – сказал Криворук простуженным голосом. – И мне прихвати бутылку. Жарко что-то.

Только эта газировка и помогала ему держаться на виду у следственной бригады. Моргая глазами, Криворук чувствовал, как они слипаются. Время от времени он набирал домашний номер, но жена не отвечала. Настроение от этого не улучшалось. Общее состояние тоже.

– Товарищ майор, – слышалось за спиной, – пожалуй,

мы тут закончили.

Это был младший лейтенант Антон Соловушкин, самый молодой и самый перспективный оперуполномоченный уголовного розыска. По мнению Криворука, его главный недостаток заключался в том, что он и стремился быть самым-самым. Неудачи или критика совершенно выбивали его из седла.

– Излагай, – сказал Криворук и, с отвращением дымя сигаретой, стал слушать, кивая, когда выводы Соловушкина совпадали с его собственными.

Он поведал, что стрелял один человек, вооруженный иностранной штурмовой винтовкой. Пули были натовские, калибра 7,62×51. Для большей убойной силы их надпилили или надрезали. Все три жертвы умерли фактически мгновенно. Никто не успел оказать сопротивления.

– Свидетеля допросили? – спросил Криворук. – Как его?

– Чередняков Олег Юрьевич, – напомнил Соловушкин.

– Я и говорю, Соловушкин. Что он показал?

– Убийца был одет в куртку с капюшоном. Китаец. Перебив всех, даже не заглянул в кассу и не обыскал трупы. Соловушкин говорит, что китаец открыл огонь после того, как ему отказались налить коньяку.

– Чушь, – поморщился Криворук. – Типичная разборка банд.

– Тонгов, – похвастался эрудицией Соловушкин, за что удостоился неодобрительного взгляда начальства.

– Ты мне лучше скажи, где он сейчас?

– Никуда не денется, товарищ майор. Если, конечно, удастся установить его личность.

Криворук выкатил на лейтенанта налитые кровью глаза.

– Что значит: установить? Ты же сам сказал, что его фамилия Чередняков.

– Ах, вы про свидетеля... – Соловушкин облегченно засмеялся. – А я думал, вам убийцу вынь да положь.

– Весело тебе? – спросил Криворук. – Цирк тебе здесь? – Он кивнул на разбросанные по залу трупы.

– Простите. – Соловушкин сделался серьезен. – Чередняков содержится в подсобке. Напуган до смерти, до сих пор трясется как банный лист.

– Банный лист *липнет*.

– Что?

– Ничего. Веди его сюда.

Но знакомство с очевидцем Чередняковым пришлось отложить. Подскочил Корольков, шепнул, что с майором желает побеседовать эфэсбэшник.

– Чего ему надо? – проворчал Криворук.

– Не могу знать, товарищ майор.

– А не сблюет твой эфэсбэшник?

– Не могу знать, – повторил Корольков.

– Ладно, сейчас проверим. Пусть войдет.

Представитель Антитеррористического центра скользнул взглядом по трупам и направился к Криворуку, в котором

сразу распознал главного. Выглядел этот бритоголовый тип так, что немедленно хотелось проверить его на предмет причастности к организованной преступной группировке. С левой стороны его пиджака угадывались очертания наплечной кобуры и того, что в ней обычно носят. Однако предъявленное им удостоверение оказалось настоящим, не внушающим подозрений. Оно было выдано подполковнику ФСБ Хромову, хотя его принадлежность к секретной службе по розыску и уничтожению террористов там никак не отображалась.

– Что вас сюда привело? – хмуро осведомился Криворук, когда знакомство состоялось.

– Трупный запах, – невозмутимо ответил Хромов, пряча удостоверение. – Мне нужны подробности.

– Вышлю вам копии протоколов и заключений экспертизы.

– Предпочитаю получать информацию из первых рук.

– А како с чаем? – поинтересовался Криворук.

– Нет, спасибо.

Отвернувшись, Хромов направился к трупу Вэньмина. Криворук придержал его за локоть.

– Туда *посторонним* нельзя, – сказал он. – Проводятся следственные мероприятия.

Он всегда гордился силой своих пальцев и в свободное время упражнял их с помощью теннисного мячика, который держал в верхнем ящике письменного стола. Но Хромов избавился от захвата с такой легкостью, словно с вареными ма-

каронами, а не с тренированными пальцами Криво— рука.

— Мне можно, — сказал Хромов.

Присутствующие оставили свои дела, украдкой наблюдая за сценой, разыгрывающейся у них на глазах.

— А я говорю, нельзя! — повысил голос Криворук.

Он снова протянул руку. На этот раз Хромов поймал его за запястье и, притянув к себе, тихо произнес:

— Не зарывайся, майор. На тебя смотрят подчиненные.

Предлагаю сотрудничество и свою помощь.

— А если я откажусь? — строптиво спросил Криворук.

— Один мой звонок, и тебя заменят другим, более покладистым.

На протяжении нескольких секунд майор Криворук смотрел в темно-коричневые глаза, устремленные на него. Внутренний голос подсказал ему, что слова столичного подполковника не расходятся с делом.

— Отпусти, — буркнул он.

Хромов разжал пальцы:

— Пожалуйста.

— Чем ты можешь мне помочь? — спросил Криворук, перебарывая желание потерять затекшую кисть руки.

— Это было убийство на почве мести. — Хромов показал на труп Вэньминя. — Настоящей мишенью был он, а эти двое попали под раздачу случайно. Убитый — программист из «Санни электроникс».

— Все это я и без тебя знаю.

– Кроме мотива убийства, м-м?

Хромов подмигнул, а Криворук неожиданно для себя ухмыльнулся.

– Ну, до этого бы мы и сами докопались, – сказал он.

– Не так быстро, верно?

– Парень работал на вас?

– Нет, но я на него очень рассчитывал, – признался Хромов. – С его гибелью оборвалась одна очень важная ниточка.

– Попробуем восстановить твою ниточку, – сказал Криворук. – Сейчас побеседуем с очевидцем.

– Вот это дело.

Охранник Чередняков был спортивным, но порядком потасканным мужчиной с моложавым лицом и старческими мешками под глазами. Войдя в зал, он побледнел и опасливо посмотрел по сторонам. Его рассказ не отличался красноречием:

– Тот псих сто грамм попросил. Его хотели турнуть. Тогда он достал обрез и положил всех троих к такой матери. Выстрелы были как из пушки.

Эта песня продолжалась минут пять, пока Криворук не заставил Череднякова сменить пластинку. Оказалось, он запомнил кое-какие немаловажные подробности. Хромов в допрос не вмешивался, а только посматривал издали, что Криворуку понравилось.

– Хочешь задать ему пару вопросов? – спросил он у Хромова.

Тот отрицательно покачал головой, и Чередняков был отпущен под подписку о невыезде.

Переглянувшись, Криворук и Хромов уединились за столиком в дальнем углу, где первый тут же присосался к бутылке газировки, а второй сунул в рот леденец на палочке, распространяющий тонкий аромат ананаса.

– Где этот хрен раздобыл армейский «Винчестер», хотел бы я знать? – произнес Криворук, отдуваясь.

– Это было охотничье ружье, – возразил Хромов. – Карабин.

– Ты гильзы видел?

– Ага, полюбопытствовал. Пока ты сторожа мурыжил.

– Тогда ты плохо разбираешься в боеприпасах, подполковник, – с удовольствием констатировал Криворук. – Это патрон 7,62×51, разработанный компанией «Винчестер» и принятый на вооружение в армиях НАТО и США.

– Это наш патрон того же калибра, – возразил Хромов. – Гильза тоньше, чем у армейского патрона. Это потому что в охотничьем стволе давление меньше. Кстати, о гильзах. Стрелявший их не собрал умышленно. Это вызов.

– Может, не догадался?

– Нет, майор. Работал профессионал. Посмотри, как он грамотно всех положил. И ни одного отпечатка подошвы. Опять же, выручку не тронул. Это для него мелочь.

– Пожалуй, ты прав, – вынужден был признать Криворук. – Сечешь, подполковник.

Он допил воду и поставил пустую бутылку на стол.

– Работа такая, – сказал Хромов, двигая тонкой палочкой, торчащей у него изо рта. – Что тебе удалось вытащить из сторожа?

– Кое-что удалось. Он сказал, что убийца был маленький, худой, черноволосый. Скорее всего, китаец. На нем была выгоревшая ветровка, а лица Чередняков не видел или не запомнил с перепугу. Если мотивом была месть...

– Сто процентов, – вставил Хромов. – Вэньминю угрожали и с ним расправились.

– Тогда, – продолжал Криворук, – можно предположить, что это была разборка между китайскими кланами. – Вспомнив реплику Соловушкина, он добавил: – Тонгами.

– Покойный не состоял в группировке. Я почти уверен.

И Хромов вкратце передал суть телефонного разговора с Вэньминем.

– Что ж, поищем среди электронщиков, – сказал Криворук. – Но для начала я попросил выяснить, сколько в городе площадок для пейнтбола.

– Пейнтбола? – переспросил Хромов, отбросив обглоданную палочку.

Для Криворука это был момент триумфа и прекрасная возможность поквитаться за то унижение, которое пережил он, когда приезжий выкручивал ему пальцы.

– Пейнтбол, – сказал он, – это такая командная игра. Собираются пацаны или взрослые мужики, вооружаются пнев-

матическим оружием и пуляют друг в друга желатиновыми шариками с краской. Попали в тебя, остается пятно, похожее на кровавое. Все, ты ранен или убит.

– При чем тут пейнтбол? – спросил Хромов, терпеливо выслушавший эту лекцию.

– Разве я не сказал? – притворно удивился Криворук. – Свидетель заметил на ветровке убийцы характерные кляксы от растительной краски. Вообще-то она хорошо смывается, но, видимо, ветровку постирали небрежно, и пятна сохранились.

– А он не мог ошибиться, этот свидетель?

– Теоретически – да, но практически вряд ли. Одно время он подрабатывал на фирме «Владгейм» в городском парке. Чинил оборудование, убирал территорию. Ну и, конечно, наблюдал при случае за баталиями... Минутку.

Взяв зазвонивший мобильник, Криворук выставил перед собой указательный палец. Закончив разговор, оперся руками на стол, наклонился в сторону Хромова и сказал:

– Итак, мы имеем четыре пейнтбольных клуба. Один я уже назвал. Остальные – «Ежик в тумане», «Хазард» и «Самострелы».

– «Владгейм» отпадает.

– Почему?

– Чередняков узнал бы стрелка.

– Не обязательно, – сказал Криворук. – Китаец мог появиться в клубе уже после того, как Череднякова турнули за

пьянку.

– Резонно, – согласился Хромов. – Ты хороший мент, май-ор.

– Я теперь полицейский. Коп.

– Копы в Америке. Наши полицейские так и останутся ментами.

– А вы – чекистами, – парировал Криворук.

– Так никто не спорит, – улыбнулся Хромов.

Поговорив еще немного, они сошлись на том, что надо искать китайца, который крутится вокруг компании «Санни электроникс» и увлекается пейнтболом. Криворук сказал, что выделит для этого расторопных оперов, а Хромов пообещал навести справки по своим каналам и попросил разрешения осмотреть вещи несчастного Вэньминя.

Полистав фальшивый паспорт на имя Вениамина Иванова, он включил его мобильник, пролистал журнал звонков и принялся изучать SMS-почту. Особенно его заинтересовали послания от некой Ван Джу. Зная, что китайцы пишут сперва фамилию, а потом уж имя, Хромов понял, что она является той самой сестрой из Гонконга, которую упоминал Вэньминь. Тем более что переписка между ними велась китайскими иероглифами.

Скопировав эсэмэски, Хромов пропустил их через переводческую программу своего смартфона. Первые две, датированные прошлым месяцем, оказались пустышкой. Зато последнее сообщение было достаточно интригующим. Оно

гласило:

Брат, я выяснила адрес любовницы Виктора. Ее зовут Лилинг Фань, она живет на Коулун-Роуд, 16. Ее слуга сказал, что у нее свои джонки и казино «Голодный Дракон» в Макао. Если узнаю что-нибудь еще, напишу.

Хромов хмыкнул. Да, в поисках Виктора Хоу бедняга Вэньминь копнул глубоко... слишком глубоко... и приготовил себе могилу...

Удастся ли выйти на Хоу через его любовницу в Гонконге? В сущности, это не так уж далеко от Владивостока.

Подняв глаза от телефонного дисплея, Хромов увидел Криворука, наблюдающего за ним.

– Что-нибудь важное?

– Любовная переписка, – сказал Хромов. – Пожалуй, мне здесь делать больше нечего.

– Знаешь, – задумчиво произнес Криворук, – почему-то мне так тоже кажется.

* * *

Ведомственный коттедж ФСБ находился на берегу уютной бухточки, защищенной скалами от ветра и посторонних взглядов. Обнесенный зеленой оградой, он почти сливался с окружающей зеленью. Калитка, по всей видимости, была снабжена сигнализацией, потому что Щеглов вышел навстречу Хромову. Его щеки были пунцовыми.

– Как успехи? – поинтересовался он, вытирая затылок носовым платком.

– Об успехах говорить рано, – сказал Хромов. – Но кое-какие зацепки появились.

– Вот и отлично, – сказал Щеглов. – Ваша спутница в доме. Там вы найдете все необходимое.

Он указал на дверь большим пальцем, явно не собираясь возвращаться внутрь.

– И оружие? – спросил Хромов, пытаясь отгадать причину нервозности Щеглова.

– *Все* необходимое, – подчеркнул Щеглов. – И холодильник, и арсенал пополнены специально к вашему приезду. Лейтенант Чертанова покажет, где что. Ключи от машины у нее. – Он кивнул на черный внедорожник «Ниссан Икстрейл», стоящий у входа. – Устраивайтесь и чувствуйте себя как дома. Лейтенант сказала, что вы, наверное, захотите отдохнуть после путешествия.

Всякий раз, когда Щеглов упоминал Анжелику, он был вынужден сглатывать.

– Кроме нас, в доме кто-нибудь есть? – спросил Хромов.

– Нет, но за ним ведется постоянное наблюдение. Наружное, разумеется.

– Разумеется.

– Вот, пожалуй, и все. – Разведя руками, Щеглов с надеждой протянул: – Так что, если я вам больше не нужен...

– Думаю, дальше мы справимся сами, – успокоил его Хро-

мов и, попрощавшись, отправился искать Анжелику.

Она крутилась перед зеркалом в малиновом купальнике. Две половинки другого валялись на диване.

– Никак не могу решить, какой надеть, красный или белый, – пожаловалась она.

– Поэтому спросила совета у Щеглова? – предположил Хромов.

– Да, а что?

– А если бы его кондрашкахватила? Мужчинам его комплекции волноваться опасно.

– Думаешь? – встревоженно спросила Анжелика. – Тогда хорошо, что я не появилась перед ним топлес. Виновата. – Она довольно удачно спародировала стойку «смирно». – Какие наши дальнейшие действия?

– Механические, – решил Хромов, подумал и уточнил: – Возвратно-поступательные.

Потом он выпроводил Анжелику к бассейну, а сам связался со Вторым. Тот взял трубку после второго гудка и спросил, как дела. Лихо отбарабанив рапорт, Хромов стал ждать, пока Второй переварит информацию. Это заняло добрых полминуты.

– Какие ваши дальнейшие действия? – спросил Второй, почти в точности повторив недавний вопрос Анжелики.

«Механические», – было готово сорваться с языка Хромова. Он заставил себя отвести взгляд от окна, за которым заманчиво поблескивал бассейн с плавающей Анжеликой.

– Пару дней пошустрим здесь, – сказал Хромов, – а если ничего не найдем, вылетим в Гонконг.

– Так ли уж это необходимо? – заколебался Второй, ставший экономить на расходах там, где это было можно... и где нельзя.

– Разве хочется? Надо.

В домашнем кабинете Хромова висела карта мира, на которой он отмечал красными крестиками точки, сделавшиеся «горячими» благодаря его появлению. Гонконг среди них не значился.

– Ладно, там видно будет, – проворчал Второй.

Сразу после него на связь вышел Криворук.

– Ты веришь в случайные совпадения? – спросил он.

– Нет, – ответил Хромов, – хотя вся жизнь состоит из совпадений.

Не оценив всю глубину этой философской мысли, Криворук пояснил:

– Оказывается, компьютерные гении из «Санни электроникс» постоянно проводят турниры по пейнтболу.

– Где? – оживился Хромов.

– В тридцати кэмэ от центра города, на базе отдыха «Орбита». Раньше они выкупали площадку фирмы «Хазард», но тут на горизонте возникли «Самострелы», да еще с фантастическими скидками. Плюс бесплатный транспорт до базы.

– Перехватили клиентов.

– Вот именно, – подтвердил Криворук. – И сорвали непло-

хой куш. Понятно, что так им проще шпионить за сотрудниками «Санни».

– Хорошо бы взглянуть на них поближе, – пробормотал Хромов.

– Вдвоем на площадке мы бы смотрелись глупо. Но там есть небольшой ресторанчик. Предлагаю посидеть в нем вечером.

– Для прикрытия прихвачу свою сотрудницу. С ней мы будем смотреться естественнее.

– Как скажешь. В семь заеду за вами. Если только... – Поколебавшись, Криворук решительно закончил: – Обязательно заеду.

Попрощавшись с ним, Хромов смастерил себе бутерброд с семгой, вышел из дома и остановился над Анжеликой, растянувшейся на шезлонге.

– Как в раю, – сказала она, прикрывая глаза от солнца.

– Из рая бы нас давно выперли, – рассудительно заметил Хромов, – а тут можно.

Жуя бутерброд, он жмурился то ли от солнца, то ли от удовольствия.

– Мог бы и мне бутерброд сделать, – капризно заметила Анжелика.

– Скоро обед, – заявил Хромов, – а у тебя пока что одна обязанность – беречь собственную фигуру.

– Тебе, значит, можно, а мне нельзя?

– Именно. Между прочим, я бы не отказался повторить.

Глаза Анжелики засверкали.

– Еще одна сиеста?

– Еще один бутерброд, – сказал Хромов.

С этими словами он стянул рубашку и, не глядя на подружку, растянулся на соседнем шезлонге.

Показав этому деспоту язык, она отправилась выполнять его заказ.

Глава 5. Гранатовый сок с гранатами

Лето, обычно такое облачное и прохладное во Владивостоке, выдалось не просто теплым, а по-настоящему жарким. Старожилы бурчали, что все это закончится проливными ливнями и тайфунами, но пока что можно было наслаждаться великолепной погодой.

Город, раскинувшийся амфитеатром на кончике полуострова Муравьева-Амурского и соседних островах, нежился в теплых сумерках. Загоревшие купальщики возвращались домой после солнечного дня, проведенного на пляжах бухт и заливов. Сопки, окружающие Владивосток, погружались в темноту, на небе проступили первые бледные звезды.

На базе отдыха «Орбита» было малоллюдно. Зимой здесь не было отбоя от желающих покататься на лыжах, санках и коньках, а летом поток посетителей иссякал, как вода в обмелевшей реке. Лыжные трассы зарастали травой и кустарниками, на месте катка возводился балаган для простеньких аттракционов, гостевые домики пустовали. Спросом пользовался разве что пейнтклуб «Самострелы» с его двумя площадками: спортивной и так называемой деревенской, включающей в себя территорию заброшенного поселка. В лучшие времена за него сражались армии по двадцать человек, во-

оруженные не только пневматическими ружьями, но также гранатами, поражающими живую силу соперника все той же краской.

Инструктор пейнтклуба, уединившийся с телефоном за кустом рододендрона, поморщился, чувствуя запах пота, исходящий от его тела. Весь день он проходил в ветровке, и порой ему было жарковато, но инструктор привык к своей униформе, а иногда даже надевал поверх одежды пробковый жилет. Он был не из тех пижонов, которые выходили на поле боя без защитной маски или в шортах. Желатиновые шарики оставляли на теле синяки и могли запросто выбить глаз.

Абонент вот уже минут двадцать находился вне зоны досягаемости. Раз за разом выслушивая женский голос, предлагающий перезвонить позже, инструктор испытывал сильнейшее желание всадить ей пулю между глаз, чтобы она заткнулась навсегда. Но женщина-оператор находилась вне пределов досягаемости, а вооружен инструктор был всего-навсего полуавтоматическим ружьем с баллоном сжатого воздуха. На профессиональном языке оно именовалось маркером. Из него можно было выпустить до девяти шариков в секунду, но, увы, ни одной настоящей, полновесной пули.

Внизу, сквозь кроны деревьев, виднелись лунные отблески на бархатной глади Лазурной бухты. Рассеянно наблюдая за ними, инструктор вновь нажал кнопку вызова и – о чудо! – ему наконец ответили.

– Да?

– В дело вмешался сотрудник ФСБ, – заговорил инструктор по-китайски. – Он из Москвы, его зовут Константин Хромов.

– Я сталкивался с ним однажды, – процедил голос в трубке. – Это было давно, еще на Камчатке.

– Теперь он появился здесь. Если так пойдет дальше, то он до Гонконга доберется.

– Этого нельзя допустить.

– Я понимаю.

– Он опасен. Это не простой агент. ФСБ лишь прикрытие. На самом деле он служит в Антитеррористическом центре. Где он сейчас?

– Приехал на базу, – пояснил инструктор. – С ним еще один мужчина и какая-то рыжая шлюха.

– Рыжая? – спросил голос. – Опиши мне ее.

– Я незаметно сфотографировал всех троих. Сейчас вышлю снимок.

Когда разговор возобновился, собеседник инструктора мрачно констатировал:

– Это та самая женщина, которая недавно приезжала в Гонконг вместе с Якомото.

– В таком случае, она русский агент, а Якомото не умеет хранить секреты своей компании.

– Совершенно верно. Нужно будет заняться им. Но сначала – Хромов.

– Хорошо. Я сегодня же позабочусь о нем.

– Надеюсь.

Связь оборвалась без дежурных прощальных фраз. В них не было необходимости.

Инструктор выбрался из своего укрытия и направился в сторону ресторана, выбирая такой маршрут, чтобы не выходить на свет. Территория была пустынна, но из открытых окон ресторана доносились голоса и музыка. Инструктор стал так, чтобы видеть Хромова и его грудастую спутницу. На лбу мужчины, сидящего с ними за столом, было написано: «*легавый*». Кто-то мог этого не замечать, но опытный глаз инструктора сразу распознал полицейского.

Он не думал, что эта троица появилась здесь случайно. Сейчас они мирно кушали и болтали, но на самом деле они явились по его душу. Хорошо еще, что умник Ван Вэньминь не успел разболтать Хромову все, что знал. Но и самой малости хватило. Собираются ли эти трое начать поиски сразу после ужина или подождут до утра?

Отойдя за угол, инструктор позвонил в местный отель и, изменив голос, поздоровался.

– Чем могу служить? – спросил дежурный администратор, не узнавший инструктора.

– Скажите, пожалуйста, в каком номере остановился Константин Хромов?

– Минутку... Извините, но у нас такой не проживает.

– Что ж, спасибо.

Инструктор спрятал мобильник и задумчиво пощипал се-

бя за редкие волоски на верхней губе. Расправиться с Хромовым и его шлюхой на территории клуба было бы ошибкой. Особенно в присутствии полиция, который и так приехал сюда неспроста. Убить же его – это все равно что раздражить рой диких ос. Дружки-полицейские слетятся сюда всей гурьбой, и тогда от них не отделаешься.

Дойдя до домика работников пейнтклуба, инструктор нырнул в кусты и стал мочиться, настороженно посматривая по сторонам. Оба его напарника находились в городе с заданием. Поскольку подчинить себе Ван Вэньминя не получилось, нужно было искать подходы к другим сотрудникам «Санни». Этим напарники и занимались в свободное от работы время. Ленивые болваны. Инструктор недолюбливал тех своих соотечественников, которые слишком долго прожили в России. Они казались ему испорченными и отупевшими.

Себя же инструктор считал очень умным и хитрым. Поднявшись на крыльцо, он задумался, пытаясь отгадать, каким образом вышли на него легавые. Приходилось признать, что была совершена какая-то ошибка. Но какая?

Войдя в общую комнату, служившую одновременно спальней, столовой и кухней, инструктор включил свет и тщательно задернул куцые шторы на окнах. На глаза ему попались три одинаковые ветровки, висящие на стене в ряд. Крайняя справа была испещрена плохо застиранными пятнами от попаданий пейнтбольных шариков. Две другие были

относительно чистыми.

Вот она, ошибка! Нельзя было ехать в город в рабочей одежде. По ней-то инструктора и опознали. Он вырядился рыбаком, чтобы пронести карабин и прикрыть голову капюшоном, но не удосужился отстирать с ветровки следы краски.

С минуту инструктор стоял неподвижно, решая, как поступить. Наконец его губы тронула усмешка. Он открыл шкаф со снаряжением. Здесь хранились маркеры, маски, жилеты, камуфляж, дымовые шашки, а также наборы желатиновых шариков по сто штук. Зарядив маркер, инструктор расстелил все три ветровки на полу и принялся методично расстреливать их краской. Покончив с этим занятием, он вооружился половой тряпкой, намочил ее под краном и небрежно вытер ветровки. После этого, водворенные на место, они уже ничем не отличались друг от друга. Вот что значит, когда голова варит.

Довольный собой, мужчина выдвинул из-под кровати ящик пейнтбольных гранат, стилизованных под «РГД-5», но гораздо более ярких, затем осторожно вытащил четыре упаковки по десять штук. Под ними лежали три настоящие гранаты, выкрашенные для маскировки в такой же ярко-зеленый цвет и снабженные черной этикеткой «Paintball Grenade». Отличить их от пластиковых игрушек можно было только на ощупь.

Уложив две из них в рюкзак, инструктор присоединил

к ним китайский пистолет «Норинко М-201», являющийся ухудшенной копией «Токарева». Осталось прикрыть оружие полотенцем, а сверху небрежно бросить маркер и парочку игрушечных гранат. Если его задержат, он скажет, где работает, и продемонстрирует шутовское оружие. Если полицейским покажется этого мало, то в ход будет пущен боевой пистолет.

Со своим рюкзаком инструктор погрузился в «Тойоту» с правым рулем и выехал со стоянки. Проехав пару километров по изогнутой подковой дороге, поднимающейся на сопку, он остановился и загнал машину в кусты. Здесь она была невидима, зато инструктор мог видеть всех уезжающих. Поставив раскрытый рюкзак на соседнее сиденье, он принялся поглаживать волосы на кончике своего подбородка.

* * *

Готовили в «Орбите» отвратительно, но Хромов не жалел о приезде. Он безропотно съел и уху «Ассорти», и пельмени «Боярские», и отведал даже салат «Уссурийский», не приронувшись только к пережаренной картошке и винегрету, от которого пахло не винегретом, а исключительно уксусом.

Криворук, тот налегал больше на водку и после третьей рюмки уныло поведал о конфликте с супругой.

– Ваша служба и опасна, и трудна, – сказала Анжелика. – Вы жизнью рискуете, а она?

Встретив такое понимание, да еще со стороны прекрасного пола, майор заметно приободрился и выпил опять, на этот раз от избытка приятных чувств. Хромов позволил себе лишь одну стопку, а Анжелика помогала Криворуку опустошать графинчик столь активно, что под конец ужина стала подозрительно щуриться при появлении любого человека, который казался ей узкоглазым. Кстати говоря, китайцев на базе отдыха Хромов не заметил и решил, что на этот раз интуиция его подвела.

– Зря мы приперлись на ночь глядя, – решил Криворук, прикончив содержимое графина. – Надо было с утраца, когда сюда клиенты съезжаются. Их ведь кто-то обслуживает...

– Ничего, – сказал Хромов. – Завтра тоже наведаемся. Может быть, повезет. Неплохо бы свидетеля захватить, чтобы преступника опознал.

– Неплохо-то неплохо, – согласился Криворук, – да только он вряд ли поедет. Небось залег на дно и трясется от страха.

Говоря это, он шарил по карманам, но все никак не мог найти бумажник. Похлопав его по плечу, Хромов расплатился сам и взял чек для отчета. Когда они встали, Анжелика заявила, что ей нужно кое-куда заглянуть перед дорогой.

– Туалет в закутке за лестницей, – подсказал Криворук. – Не перепутайте с мужским, там буква «М» отлетела.

– Вы такой галантный, – усмехнулась Анжелика.

– Ждем тебя у выхода, – сказал Хромов.

Выйдя на улицу, он сунул в рот леденец, а Криворук про-

делал то же самое с сигаретой.

– Бросил? – посочувствовал он.

– Угу, – кивнул Хромов.

– И что, помогают конфеты?

– Да. Теперь бы еще их бросить.

Они помолчали, дружелюбно поглядывая друг на друга.

– Симпатичная у тебя сотрудница, – сказал Криворуку.

– И смышленная, – добавил Хромов.

Симпатичная и смышленная сотрудница присоединилась к ним через пару минут, повеселевшая и похорошевшая. Все вместе они направились к машине Криворука, который настаивал, что поведет сам, но не сумел переубедить Хромова.

Было начало двенадцатого, когда они добрались до центра Владивостока. В начале пути Криворук успел изложить подробности семейной ссоры и удостоился эпитета «бедненький» из уст Анжелики. Потом от тряски его развезло по-настоящему, и привезли его в состоянии маловменяемом.

– Прощу простить, – промямлил он, едва ворочая языком. – Три ночи не спал... Четыре!

Анжелика вопросительно взглянула на Хромова. Он слегка кивнул, давая добро.

– Домой вас опять не пустят, – заговорила она увещающим тоном, – а на дачу ехать поздно, да и дорога, наверное, неблизкая.

– Да. – Криворука передернуло. – Неблизкая.

– К тому же за руль тебе нельзя, – сказал Хромов, – а я,

по правде говоря, хочу спать.

– Еще рано!

– Поздно, – мягко возразила Анжелика. – Придется вам переночевать здесь.

– Ни за что, – воскликнул Криворук. – Вы девушка моего лучшего друга!

– Одна из лучших девушек лучшего друга, – пробормотал Хромов себе под нос.

Бросив на него подозрительный взгляд, Анжелика обратилась к Криворуку:

– Я не имела в виду, что мы будем спать вместе.

– Да? – огорчился он.

– Мы положим вас на диване. Утром поплаваете в бассейне и станете свежий как огурчик.

– Огурчики не плавают. Огурчики...

Не сумев закончить мысль, Криворук позволил подхватить себя под руки и довести до коттеджа, но у порога неожиданно уперся, желая знать:

– А пять капель на сон грядущий у вас найдется?

– Найдется, найдется, – заверила его Анжелика. – Даже двадцать найдется, но ни одной каплей больше, договорились?

Усаженный в гостиной на диван, Криворук сунул в зубы сигарету и попросил открыть окна. Он был бледен, и сидящий напротив Хромов невесело подумал, что возни с ним предстоит еще немало. Однако, закулив, гость начал прихо-

дить в себя, растер лицо, покрутил головой и заставил себя сесть прямо. Теперь с ним можно было поговорить, и, пока Анжелика плескалась под душем, Хромов спросил:

– Давно на страже закона стоишь, Николай?

– Целую вечность, – ответил Криворук. – А ты в секретных агентах сколько ходишь?

– Жизней семь из девяти, которые мне отмерены.

– Ну, значит, две еще остались. Это на одну больше, чем у меня.

– Больше – не значит дольше, – изрек Хромов и решил сменить тему разговора, чтобы не будить лихо, пока оно тихо. – Во сколько встретимся завтра?

– Все-таки хочешь к «Самострелам» наведаться? – спросил Криворук, грузно откинувшись на спинку дивана.

– Там киллер, там. Я его нутром чую.

– Если и был, то сплыл.

– Я доберусь до него, – твердо произнес Хромов. – Где бы он ни был.

Криворук собирался что-то возразить, но тут в комнату вошла посвежевшая Анжелика в коротком бирюзовом кимоно с пояском. Ее волосы, заколотые на макушке, образовывали нечто вроде миниатюрного ядерного взрыва. От нее веяло чистотой и душистым мылом.

– Что будете пить? – спросила она светским тоном.

– Все равно, – сказал Криворук. – Но лучше водку.

– Одну рюмку, не больше. Договорились?

Анжелика заглянула в бар, отыскивала там нужную бутылку и наполнила три стопки.

– Закусывать будете? – спросила она.

– В холодильнике есть сок, – сказал Хромов.

– Ананасный, виноградный и гранатовый, – подтвердила Анжелика. – Какой желаете?

– Гранатовый, – решил Криворук, совершенно отрезвевший от ее близости.

Анжелика вышла и вернулась со стаканами, которые были вручены мужчинам.

– Ну, – провозгласил Криворук, когда она присела на подлокотник кресла Хромова, – за присутствующих дам...

– Отменяется, – сказала Анжелика. – Слишком банально.

– Тогда... – Он замялся.

– Ну же, майор, – подзадорила она.

– Тогда, – собрался с мыслями Криворук, – за приятные сюрпризы, которые иногда дарит нам жизнь!

Мимо уха Хромова, который сидел спиной к окну, пролетел какой-то тяжелый овальный предмет и упал на ковер в центре комнаты.

Все трое заворуженно уставились на зеленое металлическое яйцо, катящееся по направлению дивана, на котором сидел Криворук. Оно не выглядело угрожающим. Черная этикетка делала его похожим на крупный плод киви, купленный в супермаркете. Белые буквы на этикетке гласили: «Paintball Grenade».

Шутка? Сейчас их компанию обдаст фонтаном краски? Если бы Хромов не знал, что киллер имеет какое-то отношение к пейнтболу, он бы так и решил. Но вместо этого его обожгло чувство опасности.

– Ложись! – крикнул он и, оттолкнувшись ногами от пола, опрокинулся назад вместе с креслом и примостившейся рядом Анжеликой.

Падая, он попытался схватить ее в охапку, чтобы прикрыть собою, но она отпрянула, инстинктивно стремясь сохранить равновесие.

Взрыв прозвучал так, словно гром небесный грянул прямо в замкнутом помещении. Пол под Хромовым подпрыгнул, и на него обрушилась дверца бара вместе с градом бутылочных осколков и дождем спиртных напитков. Его полоснуло стеклом по щеке и макушке, но глаза не задело, а перевернутое кресло прикрыло его от осколков стальных, разлетевшихся по всей комнате.

Во второй раз его спасло то, что, полуоглушенный, он остался лежать, и вторая граната шлепнулась на пол на расстоянии вытянутой руки. Хромов поспешно схватил ее и метнул в дверной проем, потому что туда было сподручней, чем в окно. Закатившись за угол, граната взорвалась, и комнату затянуло удушливым дымом.

– Вот и выпили за приятные сюрпризы, – пробормотал Хромов, не слыша собственного голоса. – Эй! Есть кто живой?

Ему никто не ответил. В звенящей тишине было слышно, как потрескивает пламя, лижущее днище кресла. Хромов провел ладонью по лицу, и она стала красной, но это была не кровь, а гранатовый сок.

Не меньше минуты потребовалось ему на то, чтобы справиться с головокружением и, осторожно передвигаясь среди битого стекла, подняться на ноги. Если бы гранатометчик дождался этого момента, он бы без труда добил контуженого Хромова, но его и след простыл. Кем бы он ни был, а покушение получилось эффектное.

Гостиная походила на съемочную площадку для военной драмы. Большая часть мебели была искорежена. Ковер возле дивана дымился, в нем зияла черная дыра. Обивка дивана превратилась в лохмотья, как и одежда майора Криворука, оставшегося сидеть с запрокинутой головой. Его лицо было деформировано до такой степени, что один глаз сполз куда-то на щеку, а рот перекосило к противоположному уху. Туловище же выглядело так, словно на него высыпали груды требухи и фарша.

Запах сырого мяса был столь силен, что пробивался сквозь кислую вонь взрывчатки и горечь гари. «Скорая помощь» не требовалась. Криворук был таким же неодушевленным, как диван, на котором он погиб. В его кулаке был стиснут мобильник, оказавшийся неповрежденным. Действуя механически, как робот, Хромов завладел им.

Затем, с трудом повернув гудящую голову, он поискал

взглядом Анжелику. Взрывная волна отбросила ее к стене, придавив журнальным столиком. От кимоно остались обугленные клочья, тело под которыми кровоточило от множества ран и порезов. В бедре Анжелики торчало несколько деревянных щепок.

Но она была жива. Пульс на ее шее слабо бился.

Выпрямившись, Хромов вызвал пожарных, потом проверил, на месте ли 9-миллиметровый «люггер» и ключи от «Ниссана», сорвал с окна штору и закутал в нее Анжелику. Поднимая ее на руки, он подумал, что если снаружи поджидает засада, то ему не успеть выхватить оружие. Мысль оставила его абсолютно равнодушным. Пережитый шок истощил нервную систему Хромова.

Пнув дверь, он вышел из коттеджа с раненой девушкой на руках и направился в сторону «Ниссана». Несмотря на поздний час, окна в соседних домах горели, как в праздник, кто-то куда-то звонил, кто-то возбужденно переговаривался неподалеку, над оградой торчала чья-то любопытная голова.

– Уши отрежу! – прикрикнул Хромов, и голова пропала.

Все еще не испытывая никаких эмоций, он уложил Анжелику на заднее сиденье джипа, сел за руль и включил зажигание. Надежды на своевременное прибытие «Скорой помощи» не было. Разумнее было мчаться в больницу самому, не теряя ни минуты.

И все же, прежде чем покинуть двор, Хромов взял телефон Криворука и пробежал взглядом номера последних

звонков. На глаза попалась фамилия Соловушкина, пару раз упомянутого майором. Включив вызов, Хромов тронулся с места и выехал в незапертые ворота. Когда ему ответили, он быстро произнес:

– Лейтенант? На нас было совершено нападение...

– Младший лейтенант, – вставил Соловушкин.

– Думаю, теперь станешь старшим, – мрачно сказал Хромов. – Твой начальник погиб. С тобой говорит подполковник Хромов из ФСБ. Я еду по трассе... – Сверившись с электронным навигатором, он сообщил свой маршрут и спросил: – Где здесь ближайшая больница?

– Вы везете туда Криворука? – спросил Соловушкин.

– Ему одна дорога. В отделение судебной экспертизы. Со мной женщина, которая еще жива. Мне нужна больница. Срочно.

Голос Соловушкина изменился, но, надо отдать ему должное, он быстро сориентировался и назвал адрес.

– Если сможешь, подъедь туда, – сказал Хромов.

– Товарищ майор действительно...

– Действительно. Его по частям собирать придется.

Хромов был нарочито груб, потому что знал, как вести себя с людьми, пережившими потрясение. Он и сам пережил потрясение. Такое сильное, что голова до сих пор шла кругом.

– Такое бывает, лейтенант, – прибавил он, выжимая скорость до максимума. – Издержки профессии. Сегодня ты,

завтра тебя.

– А у некоторых вообще нет никакого завтра, – сказал Соловухин. – Я выезжаю. Лично у вас все в порядке?

– Лично у меня все в полном порядке, – ответил Хромов. – Лучше не бывает.

Отключив телефон, он оглянулся на Анжелику. Там, где ее лицо не было перепачкано кровью, оно было смертельно бледным.

– Я умираю? – спросила она.

– Только попробуй, – рявкнул Хромов. – Я тебя не для этого сюда тащил.

– Жить хочется, – пролепетала Анжелика. – Если бы кто знал, как жить хочется.

Ее великолепная рыжая шевелюра превратилась в грязную мочалку. Ресниц и бровей не было. Ее дыхание было сиплым и прерывистым.

– Держись, – бросил Хромов через плечо.

– Держусь, – прошептала она. – Хотя не знаю, зачем. Я, наверное, теперь такая уродина.

– Ты самая красивая женщина из всех, которые у меня... которых я знал. А теперь помолчи, ладно? Когда ты говоришь, у тебя кровь идет изо рта, а химчистку салона в отчете не укажешь.

– Ты... сволочь... Хромов, – произнесла Анжелика, запинаясь.

– Хуже, – откликнулся он. – В полном соответствии со

своей профессией.

Десять минут спустя Хромов притормозил возле входа в травматологическое отделение. Он направился туда с телом Анжелики на руках, когда навстречу ему выбежали две фигуры в белом.

– Нам позвонили из полиции, – выкрикнул тот, кто подошел первым. – Осколочные ранения?

– Надеюсь, не очень тяжелые, – сказал Хромов, укладывая ношу на носилки.

– Вы тоже нуждаетесь в помощи. У вас кровотечение.

Он провел рукой по макушке и убедился, что это так.

– Пустяки, – сказал он, успев войти в приемное отделение и повалился на чьи-то подставленные руки.

* * *

Пришел в себя он на операционном столе, возле которого стояла симпатичная толстушка в марлевой маске.

– Не двигайтесь, – сказала она, вытаскивая пинцетом стеклянную занозу из его плеча.

– Как я? – спросил Хромов, с трудом выговаривая слова онемевшими, резиновыми губами.

– В норме, – ответила толстушка, – но стеклом наспигованы так, что звон стоит. Не шевелитесь, пожалуйста. Вам наложили около сорока швов.

– Осколки?

– Деревянные щепки по большей мере.

– Буду Буратино, – сказал Хромов.

Шутка не удалась.

– Вас хочет видеть лейтенант Соловушкин, – сообщила толстушка, не переставая орудовать пинцетом. – Настоящий молодой человек.

– Впустите его ко мне.

– Обязательно, – сказала толстушка и вогнала Хромову шприц в сгиб руки.

– Какого...

Он не договорил. Моргнул два раза... три... четыре, а потом его веки сомкнулись.

В следующий раз он открыл глаза в больничной палате. За окном серели предрассветные сумерки, а все его тело корчилось от боли, как у еретика на допросе у инквизиторов. На периферии его зрения возникла мужская фигура. Несмотря на то что она не была обряжена в полицейскую форму, Хромов опознал в ней младшего лейтенанта Соловушкина.

– Присядь, – сказал Хромов.

Соловушкин опустился на край кровати, парящей меж светлых больничных стен.

– Доброе утро, – сказал он.

– Правда? – удивился Хромов. – Доброе?

– Это была граната «РГД-5», – сообщил Соловушкин. – Эксперты установили по фрагментам корпуса.

– Пейнтбол, – сказал Хромов.

– Как-как?

– На ней была маркировка. «Paintball Grenade». Надеюсь, майор Криворук этого не заметил. Ему было бы обидно.

– Ему теперь все равно, – сказал Соловушкин.

Его губы плотно сошлись вместе, искривились и дрогнули.

Чертова размазня! Что было бы, если бы все кинулись оплакивать погибших вместо того, чтобы мстить за них?

– Что с Чертановой? – спросил Хромов.

– Она...

– Дальше.

– Она...

– Ты заика, лейтенант? – прорычал Хромов.

– Она умерла, – выдавил из себя Соловушкин.

Хромову показалось, будто в его грудь вогнали кол. Острый и холодный, как сосулька.

– Давно? – спросил он.

– Час назад, – ответил Соловушкин. – Примерно.

– А точно?

– Я не засекал.

– Тогда пошел на хер! – заорал Хромов. – И эту толстую дуру прихвати с собой! – Он ткнул пальцем в полную медсестру, заглянувшую в палату. – Убирайтесь! Все убирайтесь к ебене фене!

Толстушку как ветром сдуло. Младший лейтенант Соловушкин встал, но остался рядом.

– Через несколько часов, – произнес он, – от этой «Орбиты» камня на камне не останется. Так что успокойтесь. Здесь есть кому отомстить за майора Криворука.

Хромов поднял на него тяжелый взгляд.

– Нет, – сказал он. – Не суйся туда, слышишь?

– Послушайте, вы! – взвился Соловушкин. – Майор погиб из-за вас! И не вам здесь распоряжаться, не вам!

Его трясло. А Хромов стал непрошибаем, как танк. Сказывался вкаченный ему наркоз.

– Не искри, – посоветовал он. – Соберись.

– Собрался. И что?

– А то, что не фиг истерики закатывать, – жестко произнес Хромов. – Ты мент, а не баба базарная.

– Минуту назад тут кто-то вопил как резаный, или мне показалось?

Отважившись на эту реплику, Соловушкин весь побледнел и подобрался, словно готовясь шагнуть в пропасть. Хромов помолчал, глядя на него, а потом посоветовал:

– Не перенимай у старших плохие привычки. Думаю, у тебя своих собственных хватает.

Савушкин переступил с ноги на ногу.

– Допустим. – В его голосе все еще звенела обида. – Дальше что?

– Дальше? Репортеров обзвони, вот что дальше. Чтобы ни одна падла не написала про «взрыв, унесший две человеческие жизни».

– И что даст эта конспирация?

– Не перебивай, – сказал Хромов. – Я хочу, чтобы журналисты узнали, что погибли трое. Майор Криворук, Анжелика Чертанова и я, Константин Хромов. *Три* человеческие жизни. Врубился?

– Врубился, – ответил Соловушкин. – И что потом?

– А потом проводи профилактическую работу с медперсоналом. Пусть зарубят себе на носу: я и моя напарница скончались по прибытии. Пусть бирку прицепят в конце концов.

– Какую бирку?

– На большой палец ноги, – сказал Хромов. – Правой или левой – без разницы. Главное, что я скончался. Не приходя в сознание. Ты понял?

– Да, – ответил Соловушкин после недолгого замешательства.

– Пусть медики используют любой неопознанный труп, – продолжал Хромов. – А прессе нужно дать понять, что тут была замешана ревность. Публика это любит.

– Это точно. – Младший лейтенант Соловушкин кивнул. – Здорово придумано. Что-то еще?

– Нет. – Хромов откинулся на подушку.

– Я тоже хочу принять участие в операции.

Соловушкин напоминал маленького мальчика, напрашивающегося поиграть со старшими ребятами. Но игра была слишком опасной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.